

фердинга⁴, прекрасно знакомого с сочинениями Гедеонова⁵, или Й.Й. Первольфа⁶. Кстати, интересно, что эти учёные занимали норманистские позиции, однако их работы предоставили немало аргументов их противникам. Необходимо также проследить связь между сочинениями Гедеонова и последующей традицией изучения средневековой истории южнобалтийских и полабских славянских племён, которых учёный связывал с летописными варягами. Проблема продолжительного и многогранного взаимодействия полабо-прибалтийских славян и их восточных сородичей, о чём утвердительно писал учёный, активно разрабатывается в современной отечественной и зарубежной исторической науке⁷.

Примечания

¹ Гедеонов С.А. Варяги и Русь. Историческое исследование. Ч. 1—2. СПб., 1876.

² Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 17—21.

³ Грот Л.П. Призвание варягов: норманнская лжеистория и правда о князе Рюрике. М., 2010. С. 16—17.

⁴ Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. М., 1855.

⁵ ОР ИРЛИ, сигн. 24666, л. 49.

⁶ Первольф Й.Й. Варяги-Русь и балтийские славяне // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Ч. 192. С. 37—97.

⁷ Кузнецова А.М. История полабо-балтийских славян в отечественной историографии (1917—1997). М., 1998; Молчанова А.А. Балтийские славяне и Северо-Западная Русь в раннем средневековье. М., 2008; Пауль А. Балтийские славяне: от Рерика до Старигарда. М., 2016; Черных А.В. Общественно-политическая и научная деятельность А.Ф. Гильфердинга (1831—1872). М., 2012.

Ирина Устинова, Ирина Шамина

История Вологодского архиерейского дома: новые источники*

Irina Ustinova, Irina Shamina

(both — Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

History of the Vologda Bishop's house: new sources

DOI: 10.31857/S086956870005924-7

Архиерейские дома как институты до сегодняшнего дня остаются недостаточно исследованными. Из них более или менее изучены Новгородский, Казанский и Ростовский¹, в последние годы ведётся активная работа и по изучению вологодского дома Святой Софии². В 2016 г. увидела свет капитальная публикация комплекса прихода-расходных и окладных книг Вологодской кафедры XVII — начала XVIII в.³ Новое издание является её логическим продолжением. Книга

подготовлена Н.В. Башниным при участии группы исследователей — Р.П. Биланчука, А.Л. Грязнова, А.В. Дедука, А.Е. Жукова, И.А. Полякова.

Хозяйственная документация Вологодского архиерейского дома XVII — начала XVIII в. рассредоточена по различным федеральным и региональным архивам. Включённые в настоящее издание источники выявлены в РГАДА, ОР РНБ, Государственном архиве Вологодской области

* Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии XVII — начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. 896 с., ил.

(ГА ВО), Научно-технической библиотеке СО РАН. Следует подчеркнуть несомненную значимость этих документов для изучения административно-территориального деления, особенностей управления епархией, организации хозяйства и многих других вопросов. Выбранные для публикации документы возникли в сложные для Российского государства и церкви годы. Они отражают положение Вологодского архиерейского дома и Вологодской епархии в Смуту, в период хождения медных денег и их отмены, в годы церковной реформы Петра I.

Книга открывается историческим и археографическим введениями. К сожалению, оба они лаконичны и не содержат подробной источниковедческой характеристики публикуемых источников — описания их структуры, обстоятельств создания, информационной ценности. В археографическом введении относительно подробно охарактеризованы лишь книги 1702 и 1703 гг.

Основную часть рецензируемого издания составляют три раздела. В первом опубликованы пять приходо-расходных денежных книг Вологодского архиерейского дома 1615—1616, 1662/63 и 1702 гг., а также сборник хозяйственных документов 1702—1703 гг. (с. 31—416). Они дополняют ранее изданные Башниным приходо-расходные книги 1612/13, 1627/28, 1648/49 и 1677/78 гг.⁴ Таким образом, широкому кругу исследователей стали доступны хозяйственные документы Вологодской архиерейской кафедры, охватывающие практически весь XVII — начало XVIII в.

Наиболее ранняя из опубликованных приходо-расходных книг (ГА ВО, ф. 883) составлялась в апреле—августе 1615 г. Она особенно ценна, поскольку в ней можно видеть продолжение самой ранней книги такого

рода, 1612/13 г., изданной в 2016 г. В то же время уместной в данном контексте была бы публикация и самых ранних из известных на сегодняшний день сохранившихся частей приходо-расходных книг 1585 и 1600 гг.⁵ Это позволило бы исследователям расширить представление о положении Вологодского архиерейского дома в начале Смуты и на её завершающем этапе.

Второй и третий документы — фрагменты расходных денежных книг: с 1 по 16 сентября 1615 г. и с октября 1615 г. по 29 августа 1616 г. Башнину удалось установить, что это части одного документа, в настоящее время хранящиеся в разных фондах ГА ВО (ф. 883 — вологодских краеведов Н.И. и И.Н. Суворовых и ф. 948 — Описи дел постоянного хранения). К сожалению, в книге не освещён процесс исследовательского поиска и установления «родства» двух источников, между тем для дальнейшей работы с опубликованными документами это представляется важным. Первый фрагмент ветхий, состоит из 8 листов и, вероятно, представлял собой одну из расходных тетрадей, которая впоследствии либо не была подшита к книге, либо выпала из неё. Тетрадь включает записи о покупке продуктов, оплате различных работ и проч. Второй фрагмент открывается «книгой жаловальной денежной дворовым всяким людям», остальную его часть составляют недифференцированные расходные записи архиерейского дома с 8 октября. Можно предположить, что утрачена оказалась ещё одна тетрадь — за период с 16 сентября по 7 октября. Из археографического описания неясно, имеется ли в приведённых фрагментах полистовая скрепа.

Четвёртая из опубликованных книг, которую Башнин выявил в Тихомировском собрании Отдела руко-

писных и редких книг Научно-технической библиотеки СО РАН, отражает совершенно иной этап в развитии Вологодского архиерейского дома. Она велась с 1 сентября 1662 г. по 31 августа 1663 г. Особая важность документа обусловлена тем, что он относится ко времени денежной реформы в России, когда имели хождение медные и серебряные деньги. Книга имеет сложную, дробную структуру, включает приходные записи (продажа товаров и хлеба, сбор ратных, полоняничных, оброчных денег, стрелецкого хлеба, платежей по заёмным кабалам, записи о сборе данных денег с церквей «против прежнего окладу серебряных денег медными деньгами втрое», сборе венечных памятей), расходные записи (выдача жалованья, покупка снеди, конюшенной рухляди, плата наёмным жнецам и проч.). В разных разделах книги итоги подведены отдельно в медных и серебряных деньгах, а в расходной части выделен подраздел «росход серебряных денег после отставки медных денег» с 1 июля по 31 августа с итогом в серебряных деньгах (л. 220 об. — 226 об.). Видим, что таким крупным хозяйствующим субъектам, как Вологодский архиерейский дом, в ходе денежной реформы приходилось лавировать между курсами медных и серебряных денег, соотношение которых, в частности, Вологодский архиепископ Маркел при денежных сборах определил как 3:1.

Пятым опубликован сборник хозяйственных документов Вологодского архиерейского дома с 1 января 1702 г. по 31 декабря 1703 г., шестой — приходо-расходная книга, которая велась с 20 марта по 1 сентября 1702 г., обнаруженные в фонде Монастырского приказа РГАДА (ф. 237). Документы составлялись в годы церковных преобразований Петра I, вскоре после восстановления Монастырского при-

каза (1701) и во время организованной им переписи имущества и земельных владений монастырей, церквей и архиерейских кафедр. Описывая соотношения текстов этих источников, Башнин указывает, что второй из них «частично повторяет первый, но в расходной части обнаруживаются значительные различия» (с. 6). Автор демонстрирует это на примере расходных записей за март и апрель 1702 г. По стилю изложения возникает ощущение, что приведены наиболее значимые разночтения между документами, однако из восьми сопоставленных записей три представляют собой тексты, в которых совпадает лишь фраза «того же числа». Степень текстологической близости документов в статье остаётся не прояснённой, встаёт также вопрос о причинах возникновения двух столь близких по содержанию источников.

Приходо-расходные документы 1702—1703 гг. позволяют исследовать структуру доходов архиерейского дома. К примеру, в отличие от монастырей одним из важных способов пополнения бюджета архиерейской кафедры были сборы так называемых венечных пошлин. Венечные записи имеют развёрнутый формуляр с указанием места заключения брака, имён брачующихся, кратности брака, размера пошлины. По наблюдениям М.С. Черкасовой и Д.А. Пшеницына, доходы архиерейских кафедр от венечных пошлин были весьма значительны. Так, их приход в казну Ростовского митрополита в 1602 г. составил 47% от общего числа денежных поступлений, а в 1622 г. — 81%⁶. По подсчётам Башнина, доля венечных денег в казне Вологодской кафедры составила в 1612/13 гг. 7,7%, а в 1627/28 гг. — 10% бюджета⁷.

В ряде разделов сборника хозяйственных документов 1702—1703 гг.,

посвящённых сбору десятинных денег, содержится информация о приходских церквях и монастырях, действовавших в те годы в Вологодской епархии. Только в разделе «Собрано по вологодским/белозерским окладным книгам церковных десятин» перечислены 27 станов и волостей, а в них указаны более 570 приходских церквей и монастырей, с которых поступали деньги в архиерейскую казну. Интересно было бы сопоставить эти данные со сведениями, приведёнными в «Церковно-историческом атласе Вологодской области»⁸, при составлении которого приходо-расходные книги архиерейского дома XVII — начала XVIII в. не использовались.

Таким образом, приходо-расходные книги позволяют изучать важные проблемы аграрной и социальной истории России XVII — начала XVIII в. — соотношение натуральных и денежных форм феодальной ренты, государственного и владельческого налогообложения, надельного и вненадельного землепользования, масштаб ссудно-кредитной деятельности архиерейской кафедры, соотношение в ней хлебного и денежного компонентов, хлебный и денежный бюджет, углубление товарно-денежных отношений на уровне сеньориального и крестьянского хозяйства, функционирование регионального рынка как части формирующегося в XVI—XVIII вв. всероссийского рынка.

Второй раздел книги содержит тексты трёх из семи известных описей казны Вологодского архиерейского дома второй половины XVII в. — 1676 (с дополнениями 1676—1681), 1681 (с дополнениями 1681—1688) и 1688 (с дополнениями 1688—1692) гг. (с. 419—579). Следует отметить, что описи подобраны весьма удачно. Они составлялись при передаче дел последовательно сменявши-

ми друг друга казначеями: от старца Иосифа Васильева — «Подольного монастыря старцу Никону» (1676), от казначея старца Никона — «своего же архиепископия дома ключенному, а Лопотова монастыря постриженнику, старцу Афанасию» (1681), от казначея старца Афанасия — «постриженнику Спасова Прилуцкого монастыря старцу Димитрию» (1688).

Источники содержат описания «казённой палаты» («казны»), где хранились документы, ткани, драгоценности, а также утварь, инструменты, оружие, посуда. Главное место в «казённой палате» занимал архив. Так, в описи 1676 г. перечисление архивных бумаг занимает практически весь объём источника. Возможно, поэтому в XVII в. вместо термина «архив» применялся термин «казна»⁹, хотя, как показывают, в частности, опубликованные в рецензируемом издании источники, значение слова «казна» — гораздо более широкое.

В описях перечислены документы разных типов. В первую очередь это жалованные грамоты великих князей и царей. Самая ранняя из них — «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси жалованная береженная Никольского монастыря Мокрой пустыни строителю Селивестру» — датирована 7085 (1576/77) г. Вероятно, когда-то за XVI в. имелось гораздо больше актов, однако многие «старинные крепости» архиерейского дома сгорели в 1612 г. во время «литовского разорения» Вологды¹⁰. Кроме актов архив составляли также материалы писцового делопроизводства (сотные грамоты и выписи из писцовых книг), настольные архиерейские грамоты, челобитные, данные, купчие, меновные и другие документы, регулировавшие поземельные отношения. Значительное количество составляли отписи — «за даточные люди», «в казённых деньгах», «всяких

платежей» и др. Башнин подсчитал, что опись 1676 г. содержит упоминания о 597, а опись 1681 г. — о 1197 документах архиерейского архива.

Большое место в архиве занимали кабалы и заёмные памяти — записи о долгах. Должниками были в основном крестьяне, однако в их числе отмечены и архимандрит Спасо-Прилуцкого монастыря Павел с келарем Авраамием, а также приказные служащие, архиерейские дети боярские, помещики и др. Эти данные позволяют под новым углом посмотреть на некоторые стороны хозяйственной жизни региона. Так, в числе заёмщиков упоминаются помещики Комельской волости Волоцкие — Никита Михайлов, его супруга и сыновья Фёдор и Иван (с. 472). Представители рода Волоцких известны как постоянные вкладчики вологодского Арсениева Комельского монастыря. В эти же годы (начало 1680-х гг.), видимо, незадолго до своей смерти, Никита Михайлов вложил в монастырь «избу новую государевых четырех сажень да дчан капусты в дватцать видер за дватцать рублей... дал паникадило полпуда да мерина каря за шесть рублей»¹¹. Таким образом, одна и та же семья заимствовала деньги у одной церковной структуры Вологодской епархии и одновременно вкладывала значительное имущество в другую структуру той же епархии. Какие обстоятельства вынудили человека, имевшего возможность дать столь богатый вклад в монастырь, брать деньги (50 руб.) в долг у архиерея, пока остаётся загадкой.

Несмотря на то что в рецензируемом издании опубликованы ценнейшие документы, к составителю возник ряд вопросов по концепции книги. В исследовании 2016 г. источники представлены за сопоставимые периоды — 1612/13, 1627/28, 1648/49, 1677/78 гг. (приходо-расходные книги) и 1628/29, 1648/49, 1677/78 и

1702/03 гг. (окладные книги). Как отмечали рецензенты, изданные документы были «практически синхронными», что сделало «логику отбора источников очевидной»¹². Отбирались они «по принципу хронологической близости к государственным поземельным описаниям Вологодского уезда», что открыло «возможности сопоставления сведений вотчинных книг с информацией книг писцовых и переписных»¹³. Логика подбора документов в рецензируемом издании не столь прозрачна. Фактически книга состоит из двух не связанных между собой хронологически и содержательно блоков документов. Представленные источники при их безусловной информационной ценности различны по структуре, содержанию, не совпадают хронологически. На наш взгляд, во введении принципы выбора материалов для публикации объяснены составителем недостаточно.

В третьем разделе «Из истории цен и торговых отношений» помещены две исследовательские статьи — И.А. Полякова о ценах на продукты и товары в Вологде XVII в. и А.Л. Грязнова о торговой компании вологодских предпринимателей Акишевых в конце XV—XVIII вв.

Главной задачей объёмной статьи Полякова (с. 583—750) стал поиск сведений о ценах на продукты и товары в Вологде, а также анализ их изменений на протяжении XVII в. Исследование основано на данных приходо-расходных книг Вологодского архиерейского дома. Автор скрупулёзно оценивает информационные возможности и ограничения источника. В частности, он отмечает, что нельзя «реконструировать хлебные цены на Вологде в течение XVII в., так как записи о продаже пшеницы, ржи и овса встречаются эпизодически, а в большинстве изученных книг отсутствуют» (с. 587).

Для изучения выбраны продукты и товары, которые регулярно закупал архиерейский дом и которые составляли основу его хозяйственной деятельности. Они распределены на три группы: продукты, товары иностранного происхождения и товары, произведённые вологодскими мастерами (с. 87). Всё это приобреталось в Вологде или её окрестностях. В составе первой группы Поляков проанализировал движение цен на говядину, сливочное масло, сало, сёмгу, икру, мёд, хмель, конопляное масло. Среди товаров иностранного происхождения он сосредоточил внимание на серебре, перце и гвоздике. Такой выбор обусловлен особенностями записей прихода-расходных книг, которые не позволяют выявить цены на единицы таких товаров, как золото, медь, олово, ткани, пряности. Среди товаров, произведённых в Вологде, для исследования избраны свечи (сальные) и ужища, постоянно присутствовавшие в обиходе.

Поляков собрал ценный статистический материал, который разместил в 41 таблице. Столь внушительное количество таблиц возражения не вызывает, поскольку это нормально при первичной трудоёмкой обработке огромного массива информации (почти 4,5 тыс. записей). В таблицах отражён каждый факт покупки/продажи товара, зафиксированный в прихода-расходных книгах. Например, за 1640/41 г. учтено 378 сделок, в которых было приобретено 134 вида товара (Поляков учитывал виды и подвиды, например, «окончина» и «окончина слюдяная»).

Большую методологическую проблему, стоявшую ещё перед А.Г. Маньковым, представляет решение вопроса о принципиальной возможности сравнения цен на товары, учитывая разнородность записей, использова-

ние большого количества несравнимых единиц измерения и проч. Представляется, что Полякову удалось выдержать методологическую чистоту в этом вопросе: «1) учтены только те покупки, в которых указано число единиц купленного товара и потраченная на них сумма; 2) если в записи содержится указание на цену товара за единицу измерения... то эти сведения проверяются и заносятся в таблицу; 3) при отсутствии в источнике указания на цену за единицу товара она высчитывается путём вычисления частного из общей суммы покупки; 4) в таблицах приведены следующие данные: дата (число, месяц, год), общий объём покупки (в разных единицах, где необходимо), затраченная сумма, цена за единицу; 5) все денежные суммы переведены в деньги по стабильному для XVII в. курсу: 1 рубль = 2 полтины = 10 гривен = 100 копеек = 200 денег, 1 алтын = 6 денег; 6) при проведении исследования использованы стандартные для XVII в. единицы мер и весов» (с. 588).

Несомненно, было бы полезно создание локальных баз данных по ценам на разные виды товаров, стоимости разных видов работ на протяжении длительного времени, где работа Полякова очень бы пригодилась.

Однако несколько смущает выбранная автором единица измерения — деньга, поскольку представить стоимость, скажем, «камки лазоревой», если она выражена как 7 344 деньга, очень непросто (табл. 9, с. 645). Для читателей было бы понятнее, если хотя бы итоговые исчисления приводились в рублях и копейках, когда речь идёт о столь крупных суммах. Подобная практика принята в работах по экономической истории XVI—XVII вв.

Автор делает осторожный вывод о том, что материал использованных в исследовании прихода-расходных книг не позволяет выделить какие-

либо закономерности в динамике цен. «Сведения из приходо-расходных книг показывают, что в Вологде и её окрестностях цена на тот или иной товар менялась не только в течение века, но даже в течение одного года или месяца» (с. 610). В то же время среди причин динамики цен Поляков называет обесценивание медных денег (рост цен на сало в 1660-х гг.), недород (скачок цен на хмель в 1667 г.) и проч.

К материалу о ценах органично примыкает составленный Н.В. Башниным перечень: «Ассортимент товаров, купленных и проданных Вологодским архиерейским домом в XVII — начале XVIII в.» (с. 751—767). Автор в алфавитном порядке привёл 1 464 наименования товаров, причём к их обозначению подошёл очень внимательно. Например, только щука представлена в 26 пунктах (от просто «щука» до «щука свежая большая на пал», «щука живопросольная» и проч.). При ознакомлении с этим перечнем возникает потребность хотя бы в первичном обобщении, выявлении основных групп товаров в представленном разнообразии. Логичнее было бы использовать тематический принцип систематизации данных, и лишь внутри конкретных категорий располагать сведения по алфавиту. В настоящем же виде данный перечень оставляет впечатление незаконченного указателя. В данной части раздела, как и вообще в книге, также очень не хватает комментариев, хотя бы в рамках «Словаря русского языка XI—XVII вв.».

Очень содержательна в третьем разделе статья А.Л. Грязнова (с. 768—814). Автор проследил историю торгового белозерско-вологодского рода Акишевых на протяжении почти 500 лет, используя в том числе и приходо-расходные книги. История семьи Акишевых, по мнению автора, «по-

казывает практически все возможные варианты развития купеческого рода» (с. 813). Грязнов выделяет основные факторы устойчивости и успешности этой семьи в финансовой сфере: широкий географический размах деятельности (Белоозеро, Вологда, Москва, Устюг, Архангельск, Сибирь), «преемственность торгового капитала и профессиональных связей... неоднократные попытки выхода в сферу местного и государственного управления», «установление горизонтальных связей с более сильными в финансовом плане семейными компаниями» (Лазаревыми, Щелкуновыми, Мериновыми) (с. 814). Весьма важным и серьёзно аргументированным представляется наблюдение Грязнова о том, что в XVI—XVII вв. «простому посадскому человеку было вполне по силам стать успешным купцом» (с. 814).

Исследователь реконструирует карьеру последнего из ярких представителей этого рода — Семёна Акишева — в административной сфере. В 1702 г. он был целовальником в Устюге, затем чиновником местной ратуши, а в 1711 г. — уже устюжским комиссаром, «трех градусов (Великого Устюга, Тотьмы и Соли Вычегодской. — *Авт.*) правителем» (с. 809). Грязнов замечает, что «стремительное возвышение Семёна Акишева говорит о его амбициозности, подкрепляемой умением использовать складывающуюся конъюнктуру» (с. 810). Акишев преуспел на поприще чиновничьего стяжательства, за что в 1712 г. был обвинён в вымогательстве взяток. В 1713 г. его отстранили от должности, впоследствии пытали и оставили не у дел. Можно согласиться с выводом Грязнова о том, что «в судьбе Семёна Акишева в концентрированном виде отразилась новая эпоха с её возможностями и опасностями». Он,

«рьяно взявшийся за стяжательство, стал слишком крупной фигурой, чтобы это прошло незамеченным, и, как показывает история его более удачливых коллег, слишком малозначительной фигурой, чтобы его деятельность сошла ему с рук» (с. 813). Среди причин постепенного угасания торгового рода Акишевых Грязнов называет генеалогический фактор (отсутствие наследников мужского рода) и «растрату потенциала» семьи.

Выводы Грязнова дополняют общую картину особенностей торговой деятельности русских и иноземных купцов в XVI—XVIII вв., воссозданную современными исследователями. Так, В.Б. Перхавко отметил, что купцы Суконной сотни «любыми путями стремились сохранить связи с родными местами», Д.В. Лисейцев в исследовании о купцах Котовых указал, что они держались сплочённым кланом, стремясь укрепиться на государственной службе¹⁴. В.Н. Захаров, применяя методику построения семейно-производственных сетей (*networks*), на основе выявления системы деловых, семейных или иных личных связей между коммерсантами, действовавшими в разных регионах мира, показал, что иноземные купцы, особенно голландцы, не имея в России какой-либо организации, объединяющей их всех, в определённой степени заменили её прочными «семейно-производственными сетями», сохранявшимися и в XVIII в. и придававшие их бизнесу значительную устойчивость (кланы Люпсов, Мейеров, Говиев и Йеверов). Наличие таких связей компенсировало отсутствие каких-либо компаний и иных формальных организаций, объединявших находившихся в России голландских и гамбургских купцов¹⁵.

Рецензируемое издание сопровождается указателями имён и географических названий. Однако ему

не помешал бы и указатель предметно-терминологический. В книге опубликованы также 18 фотографий отдельных страниц из издаваемых источников, что даёт возможность для почерковедческого анализа.

В целом новая книга и вышедший в 2016 г. том имеют несомненные черты комплексного и системного научно-археографического исследования и будут способствовать дальнейшему изучению церковно-приходской структуры Вологодской епархии, проблем исторической демографии, исторической географии и генеалогии, институтов церковного управления, персонального и количественного состава служилых людей архиерейского дома, их должностных обязанностей, денежного и земельного содержания, многосторонних связей архиерейского дома с посадским миром Вологды.

Хочется выразить надежду, что члены авторского коллектива продолжат свой нелёгкий труд и в их распоряжении будет больше возможностей остановиться на подробном источниковедческом и содержательном исследовании публикуемых документов.

Примечания

¹ Греков Б.Д. Новгородский дом Святой Софии (опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). Ч. 1. СПб., 1914; Покровский И.М. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 г. Казань, 1906; Виденеева А.Е. Ростовский архиерейский дом и система епархиального управления в России XVIII в. М., 2004; Мельник А.Г. Ростовский митрополичий двор в XVII в. // Сообщения Ростовского музея. Вып. 1. Ростов, 1990. С. 132—144.

² См., например: Гневашев Д.Е., Черкасова М.С. Великокняжеские и царские жалованные грамоты Вологодскому архиерейскому дому XVI — начала XVII в. // Историческое краеведение и архивы. Вып. 18. Вологда, 2011. С. 3—24; Бащин Н.В. Тетрадь записная указам и распоряжениям архиепископа Вологодского и Белозерского Симона 1681—1682 гг. // Вестник церковной истории. 2014. № 3/4(35/36). С. 72—116; Бащин Н.В. Архиепископ Вологод-

ский и Белозерский Симон и его приходо-расходная книга «московской езды» 1666—1667 гг. // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI—XVIII веков. СПб., 2015. С. 226—343; Адаменко О.Н., Башнин Н.В. Приходо-расходная книга «московской держи» архиепископа Вологодского и Белозерского Симона 1676 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2(45/46). С. 272—301; и др.

³ Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII — начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 9; На это указал и В.И. Иванов: Иванов В.И. Рецензия на книгу: Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII — начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин // Вестник Вологодского государственного университета. 2018. № 2. С. 93.

⁶ Пшеницын Д.А., Черкасова М.С. Венечные памяти, пошрины и записные книги XVI—XVIII вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 3(23). С. 50.

⁷ Башнин Н.В. «Бюджет» Вологодского архиерейского дома Св. Софии в первой трети XVII в. // Российская история. 2017. № 5. С. 119, 121.

⁸ Церковно-исторический атлас Вологодской области / Авт.-сост. Н.М. Макдонская. Т. 1—2. Вологда, 2007.

⁹ См. об этом: Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV—XVII вв.: исследование и тексты. Вологда, 2012. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 91.

¹¹ Шамина И.Н. Вкладная книга Арсениева Комельского монастыря Вологодского уезда // Вестник церковной истории. 2007. № 3(7). С. 37.

¹² Иванов В.И. Рецензия на книгу... С. 93.

¹³ Французова Е.Б. Рец. на: Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII — начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин // Российская история. 2018. № 3. С. 196.

¹⁴ Перхавко В.Б. Из истории Суконной сотни: истоки, состав, статус и занятия // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVII вв. Сборник материалов IV международной научной конференции (Нижний Новгород, 28—30 сентября 2017 г.). Н. Новгород, 2018. С. 91—92; Лисейцев Д.В. Новые сведения о московских купцах Котовых // Торговля, купечество и таможенное дело в России... С. 98—99.

¹⁵ Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII в. М., 2005; Zakharov V. The Communities of Foreign Merchants in Russia in the 18th Century // Merchant Colonies in the Early Modern Period (15th — 18th Centuries) / Eds. V.N. Zakharov, G. Harlaftis and O. Katsiardi-Hering. L., 2012. P. 103—126.